

Сергей Анненков

САГА
О ПРЕКРАСНОЙ
РОЗЕ

Сергей Анненков
Сага о прекрасной розе

«Э.РА»

2013

Анненков С.

Сага о прекрасной розе / С. Анненков — «Э.РА», 2013

Эта книга – о большой любви, события, о которых в ней рассказывается – легенда, пришедшая из глубины веков. Пройдя множество невероятных испытаний, герои не потеряли веру в добро и любовь. Читатель окунется в атмосферу холодного севера и бархат восточной неги, будет следить за борьбой сил добра и зла... Но как бы ни были могущественны и загадочны силы тьмы, ростки света и добра, как всегда, побеждают, потому что миром правит огромная и бесконечная любовь. Это первая книга автора. Предназначена для романтиков и любителей приключений всех возрастов.

© Анненков С., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Пролог	5
Книга первая	7
Книга вторая	15
Книга третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Анненков

Сага о прекрасной розе

Все события и персонажи вымышлены и ничего общего с реальными не имеют.

*Моим дочерям Юлии и Анне
посвящается.*

Пролог

Однажды волею судьбы
Застала ночь меня в степи –
Пород мы брали образцы
Со дна иссохшейся реки.
Передо мной лежал Девон,¹
И я был весь им поглощен.
Еще стучали молотки
Друзей геологов вдали,
Затем стук стал ослабевать, –
Их голосов уж не слышать.
Извечный друг сухих степей
Завыл поземкой суховей.
Песком он врезался в глаза
И стлал дорогу в никуда.

Я изнемог и, сил лишенный,
Все брел вперед. Бедой влекомый,
Судьбой гонимый пилигрим,
Привыкший к чистоте лазури,
Искал в песках границы бури;
Небесным ангелом храним
И потому услышан им.
Песок вдруг начал отступать,
И ветра вой в ушах стихать.
Вот различим уж небосвод
И звезд далеких хоровод.
Я руки к небу простирал
И Богу славу воздавал.
Затем решил я отдохнуть

И продолжать по звездам путь.
Но вдруг, о чудо! Лагерь мой.
Горит костер во тьме ночной.

---

¹ Геологический термин, обозначающий период меловых отложений.

Но слух здесь до меня донес
Собаки лай и бленье коз.
Громадный грозный волкодав
Мне показал свой злобный нрав.
Лишь в сторону отпрянул я,
Как резкий окрик чабана
Его пресек, чем спас меня.
В кругу сидели старики,
Степи казахской пастухи.
На лицах блики от огня,
Морщин волнистых череда.
Устало светятся глаза,
И вечность в них отражена.
Отвечив мне на мой привет,
Узнав источник моих бед,
Мне дали место у огня,
Немного отлегла душа.
И чая крепкого пиала
Мне долго руки согревала.
Вот самый старый аксакал
Допил свой чай и сказ начал:
«Мне ту историю поведал дед,
А деду как-то его дед.
Из века в век, из уст в уста
Пришла и к нам она в уста».

Книга первая

В далекой северной стране
Чернеет замок на скале.
Отвесных стен его гряда
Колоссом всходит в небеса.
Незыблем он, непобедим,
Как божество, как исполин.
Средь зубчатых его вершин
Свинцовых туч клубится дым.

Огромный зал. Огни горят,
Портреты предков дружно в ряд,
На каждом золотой оклад.
Вот кто-то в профиль, кто-то в фас,
И каждый смотрит парой глаз
Конкретно, пристально на вас.
Художник, видно, мастер был,
И дело он свое любил.

Какой-то шум из этажа –
Уж слышны чьи-то голоса,
И, факелы в руках держа,
Дверь распахнули два пажа.
Походкой плавной, не спеша,
И грациозно, и надменно,
Подчеркнуто стройна, как дева
Вступает в залу королева.

С ума любого бы свели
Изящность форм, ее черты;
Глаза бездонной синевы,
Бровей тончайшие мосты.
В ней все так правильно, так мило,
Она божественно красива.
На вид не дать и тридцати:
Меж тем, Матильде сорок три.

Но только вот черта одна
В ней отрицательной была –
Она напрочь обделена
Огнем душевного тепла.
В ней все как будто бы из льда –
И сердце, разум, и душа.
Да. Так же, как ее страна,
В плену у севера она.

У женщин вечная проблема –
Методик куча и система,
Чтоб их расцвет и красота
Не увядали никогда.
Матильда тем и занята,
Что то и дело без конца
Крема и снадобья втирала
В проблемные места лица.

(Но хватит лирики. Вперед!
Нас еще много чего ждет).

Равнина снежная, не видно ей конца.
Морозный воздух. Снег искрится.
И тишь такая, разве что приснится.
Лишь изредка ее разрежет птица
Вдруг – лай беснующихся собак,
Оскал зубов, глаза горят.
Лавиной дикой кони мчат,
Их седоки в рога трубят.

Вот загнан зверь, и смерть близка
(Идет охота на волка).
Всех впереди наездник мчит,
Клубится снег из-под копыт,
Как будто конь и не бежит,
А птицей над землей парит;
И клич победы ввысь летит,
И свита вся ему вторит.

Кто ж тот наездник? – принц Альберт.
Он крепок телом, духом тверд.
В его шестнадцать с лишним лет
Он смел, решителен, отважен,
Холоден разумом, тщеславен,
От тягот жизни всех избавлен.
Весь в мать сей славный сын,
Он деспотичный властелин.

Всегда он в черное одет –
То власти безграничной цвет,
Иль юности тщеславной бред.
Других он красок не желал.
Как жизни главный идеал
Лишь только силу признавал.
Добра творенье и любовь
Его не волновали кровь.

У слабого мог золото забрать,

Конем мог старца затоптать,
Простолюдинку силой взять –
Таков был Альберта портрет,
Красивый внешне, душой – нет.
Любви не ведавший аскет.
За столь прекрасные реалии
Альберта черным и прозвали.

И вот наш принц спешит домой
С своею свитой верховой,
Ведь ждет их в замке пир горой.
Но мы его опередим,
И сами в замок поспешим,
Туда, где в башне угловой
Нас ждет еще один герой,
Покрытый тайной роковой.

Из камня все – и свод, и пол;
Стен мрачных каменный узор,
По центру грубо сбитый стол.
К нему притягивает взор
Сосудов глиняных набор.
Кишит в них всякой твари сбор –
Ползучих гадов всех плеяд
И жаб бесчисленных отряд.

В углу очаг. Огонь горит.
Колдунья перед ним сидит,
На пламя пристально глядит.
Вам ужас в душу бы проник,
Глядя на жуткий ее лик,
Который точит нервный тик.
Ее костлявое лицо
Все шрамами испещрено.

Уже лет десять, как она
Сюда была привезена
Из состраданья короля.
Тогда Матильда и страна
В правленьи Нурланда была,
Военачальника лихого, победоносца
короля.
Всех жителей других держав
Пугал его и дух, и нрав.

С похода Нурланд возвращаясь,
Верхом на скакуне сидел.
В седле задумчиво качаясь,
Военную балладу пел.

Вдруг конь, копытом оступаясь,
В испуге диком захрапел –
В снегу весь льдом заиндевел
Замерзший полутруп сидел.

Сейчас носилки соорудили,
Сие в них быстро погрузили
И в замок спешно привезли.
Вперед водою отливали,
Затем бальзамом растирали
Со смертью долго воевали,
Но в чувство все же привели
И отдых дали дня на три.

Да если б только Нурланд знал,
Кого он к жизни возвращал!
Тогда он в это не вникал,
Что жребий свой уже достал.
Не знал он, что его судьба
Уже давно предрешена.
Побита карта дамой пик,
И близок смерти темный лик.

Об этом позже, не сейчас –
Еще его не пробил час.
В нем жизнь пока ключом кипит.
Спасенной он допрос чинит,
Но в пустоту слова летят,
Вопросом в воздухе висят.
Она, не зная языка
С трудом коверкает слова.

Король узнал лишь, что она
Шла долго и издалека,
И имя у нее – Тахма.
Все иностранные слова
Сбивали с толку короля.
И скука на него нашла –
Махнул он на нее рукой,
Да и отправил с глаз долой.

На днях король вдруг занемог
И к вечеру совсем уж слег.
Три дня Нурланд не пил, не ел,
И взор потух, и похудел.
Да тот ли это властелин,
Который был непобедим?
Теперь он жалок, уязвим,
Болезнью скован, недвижим.

Ни знатных лекарей старанья,
Ни чудеса кровопусканья
Не помогали. И тогда
Возникла перед ним Тахма
С сосудом зелья иль вина.
И знак рукою подала,
И выпил все король до дна,
И погрузился в царство сна.

На утро следующего дня,
Как только зацвела заря,
Уж слышен голос короля.
По замку бодро он шагал,
Дозорных службу проверял
И, недостатки выявляя, распоряженья
отдавал.
И рада была челядь вся
Выздоровленью короля.

Нурланд здоровьем аж сиял.
На радостях назначил бал,
Всем близким шутки отпускал
Затем Тахму к себе призвал.
Ее уменье восхваляя,
В награду серебра ей дал.
Он разрешил ей в замке жить
И лекарем при нем служить.

Все были рады. На балу
Желали здоровья королю,
И королева лишь одна
Была задумчива, мрачна:
Ни с кем в беседы не вступала,
Вельможных дам не замечала.
Сославшись на мигрень и боли,
Отправилась к себе в покои.

Вся в думах и в своей постели,
Пройдя события всей недели,
Матильда ясно поняла,
Как ненавидит короля.
Болезнью сломленный, лежа,
Нурланд был немощ, как дитя.
Она же госпожой была
И власти вкус весь поняла.

И много зимних вечеров
Матильда думам посвятила

И окончательно решила
От короля избавиться и от его оков.
В ней жажда власти победила.
Так семя зла уже всходило,
Произрастало и цвело
В истерзанной душе ее.

Тем временем Тахма не спала –
Обычи, нравы изучала,
Все глубже в тайны проникала
Вельмож и челяди двора.
И не было уже угла,
Где б тайна спрятаться могла.
Тахма единым с замком стала,
Повсюду тень ее витала.

О башне, где она жила,
Дурная слава уже шла –
Над нею молнии сверкали,
И вопли стены сотрясали,
Как будто там в полночный час
Слетались ведьмы на шабаш.
Молва не может без прикрас:
Чем больше страха – слаще сказ.

Тахму все это не смущало.
Для воссозданья ореола
К огню и дыма не хватало.
К тому же вовсе не мешало,
Чтоб любопытных было мало,
Чтоб в них желанье пропадало
Совать свой нос в ее дела –
И цель достигнута была.

Ее боялись, как огня,
За исключением короля.
Он был поборник естества
И верил только лишь в себя
Да в силу своего меча.
Считал, что чары колдовства –
То дело женского ума,
Лишь трата времени, игра.

И шла игра, страсть накаляя:
Тахма вертелась, как шальная,
Дела свои так обставляя,
Крутила колесо судьбы
По нужному лишь ей пути:
Сплетая в хитрые узлы

Деянья, мысли и мечты
Фигур, входящих в план игры.

Так, незаметно для себя,
Матильда в ее план вошла.
Являясь крупной фигурой,
На кон поставлена была.
Фигуры двигала Тахма
И, как игрок, прекрасно знала,
Что закулисные дела
Вершит, как правило, ферзя.

Но только вот Матильда, право,
Горда, заносчива, упряма.
(Об этом думала Тахма
В своей каморке у огня).
Ей над Матильдой власть нужна,
Ведь своевольная княжна
Все карты спутать ей могла.
И здесь ей хитрость помогла.

Краса Матильды увядала
И все ж, пока она блистала,
Себе и думать запрещала,
Что близок край у пьедестала
И предстоит ей вниз сойти –
Покой и старость обрести.
От этих мыслей все ей в тягость,
И жизни вкус уже не в радость.
Вот здесь и принялась Тахма

Варить бальзамы и крема,
Чтобы Матильде угодить
И молодость ее продлить.
И вот в вечерний час, одна,
Сомненья прочь свои гоня,
С опаской, робко, чуть дыша,
Матильда пробует крема.

Наутро все переменялось:
Матильда счастьем вся светилась,
В ней искра жизни пробудилась
При виде кожи и лица;
И сердце бешено стучится,
И уж пылает, как зарница.
Вся ее сущность и душа
Поет, ведь вновь она свежа.

Когда пажи вошли в чертоги,

У них окаменели ноги,
Живыми были лишь глаза
И, по красавице скользя,
Сверлили, чувства не тая.
Пришлось прогнать их со двора.
И даже Нурланд сам не свой
За ней влачился день-деньской.

Но только, вот, одна беда:
Недолго действуют крема.
Пройдет неделя, может, две –
Матильда вновь спешит к Тахме;
Но та для виду поворчит
И новым снадобьем снабдит.
Княжна в зависимость вошла,
Так у них дружба и пошла.

Вот так пригретая змея
Ходы во власти и нашла.
Прошло чуть больше пяти лет,
И короля уж с нами нет.
Погиб Нурланд не от меча,
Не в поле брани сгоряча –
Ему Матильда яд дала,
Который сделала Тахма.

Ну, а сейчас, читатель мой,
Пред нами путь лежит другой.
Чтобы всему найти исток,
Мы устремимся на восток,
На двадцать лет шагнем назад –
Перу и мысли нет преград.

Книга вторая

Сияньем солнца ослеплен
Дворец восточного царя.
Чудесный сад, диковин полный,
Фонтан из золота, серебра.
И от него ведут аллеи
К различным уголкам дворца,
Архитектурных форм затеи
И удивленью нет конца.

Кругом растительность бушует —
Лианы, пальмы и цветы;
И птичий хор в ветвях чарует
Прекрасной музыкой любви,
И эта музыка – гимн лета!
В нем летний дождь, и жаркий зной,
И вальс цветов, и море света
И пахнет медом и росой.

Златой беседки балюстрада.
Стремится вверх по ней лоза,
Свисают кисти винограда,
Янтарным отблеском горя.
Дорожки вымощены туфом,
По ним изящно, не спеша
Павлины ходят будто цугом,
Хвосты на солнце распуша.

Беседки вход закрыли стражи —
Не дрогнут мускулы лица;
На поясах их ятаганы,²
И торсы будто из свинца.
Они хранят покой царя.
В руках их цепи с серебра.
На них – по два, по три гепарда
Порвут любого без труда.

Пол устлан красными коврами,
Куруется благовоний дым.
В шелках, расшитых жемчугами,
Востока царь и славный сын –
Подобно солнцу, лучезарный
Достопочтенный Фаритдин,
За справедливость почитаем,

---

² Восточная кривая сабля.

Народом искренне любим.

Лицо открытое спокойно.
Разрез слегка раскосых глаз.
Видна в нем воля, сила война,
Огонь души и музы глас.
И не испортила в нем власть
Все то прекрасное, что было.
Богатство ленью не сломило,
И к жизни в нем кипела страсть.

Но только взор его печален,
Весь в думах, где-то далеко.
Что угнетало так его?
Казалось, все у Фаритдина:
Фонтан, и сад в кустах жасмина,
И дом, что полная корзина;
Наложниц сотни и бразды
Благоухающей страны.

В его неполных сорок пять
Чего еще ему желать?
Такого в сказке не сыскать.
К тому же Фаритдин женат,
Да на красавице Амхат.
В окладе золотом агат –
Сияла красотой она,
Как полноликая луна.

Их брак был истинно счастливым
И рдел пылающим углем.
Она была бы небом синим,
Он был бы солнечным лучом.
Она б ромашкой обратилась,
А он пролился бы дождем
И стал бы радужным мостом
В ее любимом цвете синем.

И так они пять лет прожили,
В любви не ведая преград.
Из них двоих был каждый рад
Рассвет пришедший иль закат
В любви пылающей встречать.
Но звезды повернули вспять
Или судьбой дано, – как знать?
Любви пожар стал угасать.

Причин всегда, что звезд на небе,
Но главная из них одна:

Тому Амхат виной была.
Как установят доктора –
К деторождению не годна.
И сам себе уж царь не рад.
Как ни лелеял он Амхат,
В душе змея пустила яд.

Раз из набега царь вернулся,
Разбив соседнюю страну.
С победой в качестве трофея
Привез плененную княжну.
Она была, как лань – пуглива,
Чиста, изящна и красива,
Как в небе утренней звезда,
И царь ей имя дал – Зухра.³

Глубоки черные глаза
И вдруг в них полоса огня.
И эта явь, как страшный сон:
Пред ней встает отцовский дом
И доброе лицо отца
Удары, крикам нет конца
И черных всадников дозор
Уж мчит ее во весь опор...

Затем – полон, и без конца
Похлебка да удар бича,
Да жадные глаза купца.
Невинна да еще княжна —
Вверх на нее цена пошла.
И на невольничьем базаре
Княжну не раз еще продали,
«Алмаз! Алмаз!» – купцы кричали.

Она досталась старику,
По крови принцу Алмуку,
С ним Фаритдин и вел войну.
Старик купил себе «Алмаз»,
Чтобы порадовать свой глаз:
Ведь старость скучна без прикрас.
Мечтал он втайне лет до ста
Смотреть на танец живота.

Но вот явился Фаритдин,
И, все мечты развеяв в дым,
Как смерч пронесся по стране –
Повсюду дым и все в огне

---

³ Зухра– планета Венера.

От взора цепких глаз его
Не ускользало ничего.
Забрать хотел он всю казну,
И вдруг наткнулся на княжну.

И как увидел, так застыл.
Царя, видать, удар хватил
И дара речи в нем лишил.
В глазах его, в их глубине
Луч солнца оду пел весне, –
Так показалось и княжне.
И выбор дан был Алмуку
Конечно, выбрал он казну.

Когда вернулся царь домой
С прекрасной девой молодой,
Амхат утратила покой:
Устроила такой скандал,
Какого царь не ожидал –
Такой жену он не видал.
Она то плачет, как дитя,
То ядом брызжет, как змея.

Но он не смертный, он ведь царь,
Наместник Бога, государь!
Он волен сам как поступать
И одному ему решать,
Кого любить, кого казнить,
Иначе и не может быть.
Он вежливо просил Амхат
Его любить и место знать.

Намедни как-то Фаритдин
По саду в думах брел один.
Цвел белым нежно апельсин
Восток алел и вместе с ним
Тумана таял белый дым.
Царю навстречу шел павлин,
В поклоне хвост свой распушил
И блеском перьев ослепил.

И где-то рядом средь ветвей
Струился голоса ручей –
То утихая, то живей
Но все печальней и грустней,
Печаль разлив округе всей.
И царь, поближе подойдя,
Дивился. То его княжна
Сидела, пела у пруда.

О чем поет в неволе птица? –
Как горько жить на свете ей,
Смотреть и видеть, как кружится
Веселой стаей круг друзей.
Ей хоть на миг бы в небо взмыться,
На йоту быть в среде своей.
В полете мысленно проститься
И камнем вниз и лишь быстреей.

И долго втайне он стоял –
Все слушал, думал и решал.
Он понял, что влюблен в Зухру,
И понял истину одну:
Любить – не значит только брать,
А бескорыстно отдавать.
Нарушив кашлем тишину,
Он вышел, напугав княжну.

Царь, извиненья принося,
Стоял, смотрел Зухре в глаза,
Сказав при этом, что княжна
Теперь свободна и вольна.
Притом он даст людей отряд –
Они ее сопровождают
В родные, милые места,
В объятья старого отца.

Еще просил он по приезду
Людей неспешно отправлять,
Но здесь уж только ей решать –
Вольна она, как поступать.
Он только смел бы лишь мечтать
Улицезреть Зухру опять,
И счастлив был бы предложить
Ему второй женою быть.

(Она жила у Кафских гор.⁴
Туда путь долог и не скор).

Княжна уехала. И вот
Уж начат времени отсчет,
Секунд бегущих хоровод.
Часы и дни на пересчет,
И месяц на исход идет,
А царь людей своих все ждет.

---

⁴ В древние времена считалось, что весь азиатский мир окружала цепь гор, за которыми жили лишь слуги дьявола и джины. В настоящее время остался небольшой кусок этой цепи. Это горы Кавказа.

Но ни княжны, и ни людей,
И ни каких-нибудь вестей.

С высоких башен, стен дворца
Видны холмы, видны дола,
Фонтаны ярких брызг от солнца
И чувство выси, клик орла
Восторг пред гением Творца!
И синевой лазурь цвела
Вдруг север точкой налился,
И царь к ней взором устремился.

И точка на глазах росла,
И пыль клубами в небо шла
И вот уж видно все ясней
Лихих наездников, коней.
Нрав у коней, что взрыв петард,
И скачки бешеной азарт
Дает им сил; они летят,
Не зная на пути преград.

Вот взвился государев стяг,
То был ему условный знак,
Что цел и невредим отряд.
И горд был царь и очень рад
За удаль, выучку солдат.
С такими можно воевать –
Ни смертный бой, ни страшный ад
Их не заставит отступать.

Как царь глаза ни напрягал,
Но среди воинских забрал
Он не нашел, чего искал,
Кого он с нетерпением ждал.
И рушились в душе мосты,
Надежды, планы и мечты.
Глаза, что радостью сияли,
Теперь наполнил цвет печали.

Царь, соблюдая протокол,
Из башни в тронный зал пошел.
Нефритом выложен был пол,
По центру золотом узор.
Овальность стен дает простор,
Мозаик круговой обзор;
Там боги, люди, полульвы,
Скрижали с эпосом страны.

Трон инкрустирован камнями;

Воды чистейшей хризолит,
И яхонт крупными гроздьями
В оправках золота горит.
Благословенный небесами,
Владыка-царь на нем сидит.
И вот уж входит на доклад
Людей вернувшихся отряд.

Все разом пали на колени,
Хвалу царю произнося.
И видел царь, как при поклоне
С под шлема выпала коса;
И он велел поднять бойца.
Шлем снят. И что же? – Тишина.
В убранстве война, хороша
Его прекрасная княжна!

И вот их встретились глаза,
Чтоб не расстаться никогда.
Коль есть на свете чудеса,
Так это лишь любовь всегда.
Для них раскрылись небеса,
И вспыхнула там их звезда.
А мудрый командир Согдак
На выход войнам подал знак.

Пир был горой, неделю длился,
Съезжались гости с разных стран,
Люд ликовал и веселился –
Хвала царю, хвала богам!
Жених невестой гордился,
Бросая деньги беднякам.
И счастлив был царь Фаритдин,
Ведь он любил и был любим.

Той свадьбе рада вся страна,
И только лишь Амхат одна
Желала новобрачным зла.
Она смириться не могла –
Делить с Зухрой любовь царя;
И, злобой ревности горя,
В проклятьях поклялась она,
Что будет месть ее страшна.

Да, молодость всегда беспечна!
Ей не видна ее черта.
Хоть и как буря быстротечна,
Ей все подвластно. Красота –
Ей кажется – сияет вечно,

И зависть для нее чужда
Но вот, когда черта видна,
Жизнь страхом полнится тогда.

Амхат у той черты стояла.
Она красой еще сияла,
Как в вазе на столе цветок –
Красив, цветет еще денек
А дальше? Новые цветы
Все в той же вазе, но свежи.
Кого винить, коль таковы
В миру каноны красоты?

А время шло, летели дни,
И жизнь царя переменялась,
Когда в преддверии весны
У них с Зухрою дочь родилась.
И счастьем их сердца полны,
Ведь их мечта на деле сбылась.
И по согласию так случилось –
Малютку Розой нарекли.

Все удивились Фаритдину –
К дитю такой любовью слыть?
Возможно ли рубаке-войну
Столь нежно любящему быть?
Любовь его была безбрежна,
Таким и должно быть отцу.
Он счастлив был улыбке нежной,
Столь милой детскому лицу.

Случилось, Роза заболела
И третий день была в бреду.
В жару металась, похудела.
Царь сердцем чувствовал беду.
Зухра и день, и ночь сидела
У колыбельки на посту;
На все старания врача
Ребенок таял, как свеча.

Кому-то горе – в сердце тяжесть,
А для Амхат лишь только радость.
Она уж руки потирала,
Когда в уме так представляла,
Как будет страшен гнев царя,
Когда у смертного одра
Зухра им будет проклята
За смерть любимого дитя.

Амхат бы долго так мечтала
Она вперед не понимала,
Что весть врасплох ее застала;
Внезапно жар у Розы спал,
И, верно, кризис миновал.
Амхат сразил такой финал –
Она в истерике кричала
И губы в кровь свои кусала.

Наутро следующего дня,
Когда заря росой умылась,
Амхат на рынок снарядилась;
И, чтобы тайна не раскрылась,
Под сенью темного плаща
Скользнула тихо из дворца.
И напоследок убедилась,
Что незамеченною скрылась.

Найдя на рынке змеелова,
Амхат купила две змеи –
То были эфы иль гюрзы,
Их страшный яд убьет любого.
Сложив их в разные мешки,
Хозяйка жуткого улова
Отправилась восвояси.
Теперь для мести все готово!

Сиянье дня сменилось тьмою –
Ни звезд на небе, ни луны;
Лишь в парке где-то соловьи
Перекликаются триолью,
Устав от песен и жары.
Уснул дворец, и в дреме томной
Все слушал, как шептал ручей,
Что скоро день наступит новый.

И Роза в колыбельке спала,
Поодаль чуть Зухра лежала.
Бедняжка! Она так устала
Все это время напролет
Без сна и в суете забот
Но организм свое берет –
Едва коснулась топчана,
Как оказалась в царстве сна.

Нефть в лампе, видно, догорала –
Она то рдела, то мерцала.
Вот слабый язычок огня
Коснулся края фитиля

Он затрещал, потом затлел,
Пустил дымок и охладел.
Объяла все сплошная тьма,
И злом дышала тишина,

Как перед бурей. Ведь всегда
Она тем самым и страшна,
Что неизвестностью полна,
Так как не знаешь никогда,
Что вслед за ней несет гроза
И той грозой Амхат была.
И буря вскоре разразится
Под сенью царского дворца.

В одеждах черных, не спеша,
И дьявольски как хороша
Амхат, как ангел смерти, шла;
Не шла, а будто бы плыла.
И эхом шаг не отдавался
На гулких лестницах дворца,
Лишь молнией сверкал впотьмах
Безумный блеск в ее глазах.

(Пока она вершит свой шаг,
Мы забежим чуть-чуть назад).
Через фойе от спальни детской
Вход неприметный в зал другой.
И там нас ждет другой герой,
Лицо не царского колена,
Простая женщина Зарема.
Без званий титульного бремя,
Простого рода, из села.
Она кормилицей была.

Печальны серые глаза,
Но взгляд открыт и в нем душа,
Как утренней росы слеза.
Чиста от фальши, козней зла,
Интриги – не ее стезя.
В ней божья искорка была,
Вот, только внешностью проста,
Но соль дороже серебра.

Чем опечалена она?
В ее неполных тридцать два
От горя страшного едва
Она оправиться смогла.
Уж месяц канул, как она
На свет дочурку родила,

Но та всего три дня жила
И Богу душу отдала.

Несчастливая хотела утопиться:
Она уж на краю скалы,
Внизу река кипит и злится,
И жертвы жаждут буруны.
Всего лишь шаг – и устремится
Ее душа в объятья тьмы.
Но видимо с небес Всевышний
Решил, что путь этот был лишний.

Царь в этот час вершил прогулку
Один, без слуг и налегке.
Внезапно конь что было духу
Стремглав понес его к реке –
Она текла невдалеке.
И было слышно уже уху,
Как волны били по скале,
Вдыхая яростно во зле.

Зарема наконец шагнула
Но чья-то крепкая рука
Ее схватила и рванула
Железной хваткой на себя.
Она не сразу поняла,
Что вновь ей шанс дала судьба.
Царя увидев, изумилась
И в одночасье чувств лишилась.

Царь счел неважной ту проблему
И, ловко подхватив Зарему,
Он привязал ее к седлу
И путь держал свой ко двору.
Дороги пыльные версты
Перед глазами шли и шли.
Вот в солнцем залитой дали
Блеснули города черты.

Немногим позже во дворце
Царь тронут был ее рассказом.
Зарема нравилась Зухре,
И потому решили разом
Ее оставить при дворе
И поселить с принцессой рядом.
Что ж до Заремы, так она
Всю ночь проплакала без сна.

Наутро пенье птиц из сада,

Цветов пьянящий аромат
Легли на душу, как услада,
Полустерев вчерашний ад.
Знакомство с Розой – как отрада.
Ее ладошки, нежный взгляд
В ней снова разбудили маму,
Смягчив и боль, и в сердце рану.

Прошло буквально два-три дня.
Зарема сильно изменилась:
Как птичка над гнездом кружилась,
Над колыбелькою дитя.
Всем существом своим она
Казалось, к Розе приросла.
И, если б с Розой что случилось,
Второй удар бы не снесла.

Когда принцесса заболела,
Зарема сникла, похудела,
Все дни и ночи не спала,
Молитвы всем богам несла.
И слава, слава небесам!
И слава внемлющим богам!
Теперь малышка сладко спит,
Во сне не бредит, не горит.

Казалось, обретен покой.
Зареме дали выходной,
Чтоб телом отдохнуть, душой,
А так же встретиться с родней,
Она и стала собираться.
Спешила, начало смеркаться,
Но стала боль в душе сгущаться
В тревоге требуя остаться.

В раздумье том она присела.
И, оглянуться не успела,
Как сладкий сон ее унес
В долину своих чудных грез;
Ей снится солнце и поля,
Она девчушка мал-мала
Бежит по полю босиком,
Цветы бесчисленны кругом.

И на бегу она взрослеет
И видит, как издалека
Навстречу ей пятном белеет
Фигурка детская. Она
Все ближе. Расстоянье тает.

И уж отчетливо видна
Ее воспитанница Роза,
Ее улыбка и глаза.

Вдруг с неба тень и два крыла,
И когти острые орла.
Он Розу хищным клювом бьет
И ее тело в клочья рвет.
Зарема хочет закричать,
Пытается быстрее бежать,
Но ноги будто приросли,
И в горле ком, и боль в груди.

У ней душа на части рвется,
Она пытается ползти
Но сердце Розы уж не бьется
В истерзанной орлом груди.
И вдруг виденье исчезает
Она лежит в траве, рыдает,
Но кто-то трогает ее
Ладонью детской за плечо.

Когда глаза она подняла,
Над ней лицо дитя сияло.
Черты знакомые, глаза
И здесь Зарема поняла,
Что перед ней – ее дитя.
Теперь им мира было мало,
Вокруг все красками блистало,
И ран в душе как не бывало.

Они бегут вдвоем по полю,
Как птицы пущены на волю.
Ромашки стелют мягкий пух,
И смех захватывает дух.
Все это для Заремы странно
И нет ли доли здесь обмана?
Но все бегут они и плавно
Уходят в облака тумана.

Она проснулась от толчка.
Вокруг нее лишь тьма одна,
И непонятно – где она.
Вдруг слабый шум издалека –
По коридору чей-то шаг,
Так вор крадется или враг.
Должно быть, что-то здесь не так,
И нужно страже подать знак.

Подумав так, Зарема встала,
Скользнула к выходу, и вот,
Хоть сердце в страхе замирало,
Она направилась вперед.
Глаза уже привыкли к тьме.
Пред тем, как выйти ей в фойе,
Раздвинув занавес из шелка,
Зарема сбита была с толку.

Там не разбойник, не грабитель
Нарушил царскую обитель.
От спальни Розы шла Амхат
Поспешно ускоряя шаг.
Как будто призрак, дух ночной,
Пытаясь обрести покой,
Бежит от первого луча,
Так поспешила и она.

Все для Заремы в удивленье
Пытаясь что-нибудь понять,
Войдя к принцессе в помещенье,
Склонилась к девочке в кровать;
На руки Розу стала брать,
Чтобы к груди своей прижать,
Но руку словно обожгло,
От резкой боли всю свело.

Как не заметила она,
Что средь постельного белья
Свернулась кольцами змея? –
Тому виною была тьма
Все поняла теперь она
В значении виденного сна!
Что Роза жертвой пасть должна,
И что сама обречена.

Жизнь пролетала, как страницы,
Кружиться стала голова,
И в грудь вбивали словно спицы,
Виски горели от огня,
Но сердце бешено стучится.
Что будет с Розой? Как она?
И эта мысль ей не дала
Уйти в страну небытия.

А Роза, будто ангел, спала,
Ведь руки няни она знала.
Во сне о чем-то лепетала,
При том улыбкою сияла.

Зарема ясно поняла –
Здесь Розу оставлять нельзя,
«Но с девочкой Зухра была?!
Да вот же, рядом спит она».

С последних сил она вскричала,
Но ей Зухра не отвечала
«Как? Неужели и она?»
И видит: на пол с топчана
Сползает крупная змея,
Напасть готовности полна.
И, Розу крепче прижимая,
Пытается бежать она.

Но ног не чувствует Зарема,
В глазах тумана пелена.
Но в мыслях – нет! Она должна!
Малютка будет спасена!
В нечеловеческих усилках,
И волю всю собрав в кулак,
Она ступает первый шаг
Быть может, ангел дал ей крылья?

О том, и как она бежала
Свидетель – только небеса
Но вот восточное крыло дворца.
Не так уж много, но немало
Путь от начала до конца
И все ж она его прошла.
В поклоне стража замерла,
Впуская в комнату царя.

Царь моментально встал с постели
Он был еще в плену у сна.
Одно он понял от Заремы:
Всему Амхат тому вина,
Отдав царю свой груз бесценный,
Взор обратив на Розу нежный,
Столь полный ласки и тепла,
Она с улыбкой умерла.

Царь опустил на колени,
Чтобы закрыть глаза Зареме.
Увидел, как она хрупка,
Как невесома и легка;
Как перед ней не преклониться?
И как могли здесь разместиться
Душа огромная и воля,
А так же мужество героя?

При свете факелов с клинком
Царь в спальню дочери вошел.
И здесь свою Зухру нашел:
Она лежала вверх лицом,
Как бы забывшись крепким сном.
В ногах свернулись две змеи
И свою жертву стерегли.
Их царь без слов посека мечом.

Укус змеи пришелся в шею.
Следы зубов, пятном синея,
Проводят пред царем черту,
Что смерти дух забрал жену.
С под ног царя земля ушла,
Душа смириться не могла,
Что вмиг обрушились мечты
О счастье всей его семьи.

С трудом претерпевая муки,
Взял Фаритдин Зухру на руки,
Прижал ее к своей груди
И так сидел с ней часа три.
Затем взмолился он Изаду,⁵
За что тот дал ему в награду
Дворцы из золота, города,
А счастье отнял навсегда?

Когда Амхат арестовали,
Нашли при обыске мешки,
В каких обычно змей держали
Факиры или колдуны.
На доказательства вины
Амхат плевала с высоты –
Мол, их подкинули враги
С тем, чтоб раскол в семью внести.

Терпенье лопнуло царя.
Он тотчас вызвал палача,
Чтоб тот чинил допрос с плеча,
На царский титул не смотря.
Наружу правда всплыть должна
Не позже завтрашнего дня.
Амхат хоть духом и сильна –
Призналась после колеса.⁶

---

⁵ Всевышний у древних иранцев. События, описанные выше, разворачивались задолго до возникновения классических форм религии, таких как христианство, буддизм, ислам и т. д., предположительно в эпоху зороастриев.

⁶ Очень древняя пытка распятием на колесе.

Как Фаритдин разгневан был
Амхат все ж жизни не лишил –
Сказались прежние года.
Но был вердикт его суда,
Что будет изгнана она
Из государства навсегда.
При появлении впредь она
Должна быть сразу казнена.

Амхат, желавшая всем зла,
Попалась в сети и сама.
Все зло ее и больше рангом
К ней возвратилось бумерангом,
И через руки палача
Возмездьем к ней пришло сполна.
Блиставший некогда агат
Злом превращен в конгломерат.⁷

Смотреть работу палача
Царь не пошел. Его душа
Вряд ли оправиться могла
После такого зрелища.
Но вам, читатель дорогой,
Портрет известен дамы той,
Что далее писано судьбой
В знакомстве с третьей главой.

Прекрасней нет, когда весна
Сады оденет в кружева.
(Была шестнадцатой она
С тех пор, как Роза рождена).
Так думал мудрый Фаритдин,
Взирая с башен яблонь дым.
– Когда же годы вдаль ушли?
И вот ступил момент поры,
Когда из ближних стран земли
Съезжаться стали женихи
Просить, пред ним склоняя лбы,
Любимой дочери руки.

---

⁷ Уроdlивое соединенье горных пород механическим, природным способом, таким, как смещение земной коры.

Книга третья

Жемчужным блеском пламеня,
Льет свет холодная луна.
И в свете серебра, одна,
Седыми гребнями белея,
Пустыня снежная видна.
Ни края ей и ни конца.
И, бесконечностью владея,
Даль убегает в небеса.

Мелькнула тень, из-за тороса
Тянулся стежкой свежий след.
На крае снежного утеса
Волк жадно зрел на лунный свет.
И от воздействия светила
В нем кровь вскипала и бурлила,
И вскоре севера покой
Нарушил жуткий дикий вой.

Но нрав у севера крутой,
И за нарушенный покой
Был послан ветер штормовой,
Властитель дали ледяной.
Позвав соперника на бой,
Он подхватил тот жуткий вой
И, поглотив весь без остатка,
Разбил его о стены замка.

Но дремлет серый исполин,
Для ветра он неуязвим.
Он дремлет так из тьмы веков
Под колыбельную ветров.
Лишь башня западного вала
С недавних пор проблемной стала.
Там еженощно напролет
Вершился духов темных сход.

Вот и сейчас – огонь горит,
Дым с очага в отверстиях плит,
И как всегда Тахма не спит:
Свой колдовской обряд рядит.
Кошмарный смех и бубна бой
Вплелись в протяжный ветра вой;
И упивался силой злой
Дух тьмы под полною луной.

О, слава солнечным лучам!
Сжигая темных оргий срам,
Уж солнце шло по небесам,
Воздвигнув в душах светлый храм.
Весь ужас бури штиль сменил,
Люд ликовал, богов хвалил,
И радость в их сердцах была,
И все их спорились дела.

Вокруг прекрасного светила
Жизнь пробуждалась и бурлила.
И замок будто посветлел,
В лучах золотых помолодел.
Все в ярких красках торжества
И все под рамкой естества.
Картина впрямь и без сомненья
Во всем достойна умиленья.

И зло подвластно умиленью –
Ему не чужда красота.
Тахма, к большому удивленью,
В улыбке расплылась сама.
Уж не Тахма, Амхат она
Изящна, стройна – вот виденье!
Душа ее во всем чиста
На зависть всем и в загляденье.

И востепенулась она вся,
Ей стало страшно за себя.
Да как! Она, магистр зла
Позволить вдруг себе могла
Поддаться чарам естества?!
Смотреть на солнце – верх безумства,
Ей по душе ночные буйства,
Тьма – вот удел для колдовства.

Воспоминание былое
Тахму задело за живое.
Когда случалось с ней такое,
В разрез шли все ее дела,
Во всем рассеянность была.
В ней чувство страха возрастало,
Что тронулась умом она,
И всеми в том уличена.

В ней прошлое огнем пылало,
И слабость эту она знала –
Затем и имя поменяла,
Чтоб начисто о всем забыть

И жизнь по-новому влачить:
В ладу с душою своей жить.
Но этого не может быть –
Все невозможно позабыть.

(Мы не забудем никогда
Улыбку матери, глаза;
Птенец как выпал из гнезда
Бедняга прыгал по дорожке
И был отбит у рыжей кошки;
Огромный с лестницею дом,
Как собирались за столом,
И сказки деда о былом).

В минуты чаянья Тахма
Скрывалась ото всех и вся
На три или четыре дня.
На зов ничей не откликалась
И своим чувствам предавалась.
Матильда, было, к ней стучалась,
Но с мыслью, постояв, пошла –
Мигрень старуху забрала.

Но как Тахма в себя пришла,
Так план коварный соткала.
Уж сколько лет прошло с тех пор
Все тлеет мести в ней костер,
И пламя воспылать готово,
Покуда дочь царя жива.
И вновь, по-видимому, скоро
Беда ворвется в дом царя.

Вновь север тучами налил.
На замок вечер опустил,
И ветер все сильнее злился.
Свет факелов по залам лился.
В просторном деревянном чане,
Как подобало знатной даме,
И так как день сегодня банный,
Матильда принимала ванны.

Служанки вьются вокруг хозяйки:
Мочалом ее моют, трут,
Скребками пятки ей скребут;
Затем из деревянной шайки
Отвары трав под ноги льют.
И добавляют молока,
Чтоб кожа шелковою стала,
Нежнее бархата была.

Пар ароматный вверх струится.
Собой довольна молодлица,
Как нимфа хороша она,
И негой вся окружена.
Вот ножкой вверх она ведет,
С кокетством по воде ей бьет,
И смотрит: хорошо ль помыта
И нет следов ли целлюлита?

И вот она, окончив ванну,
Богиней из воды встает.
И в этом виде первозданном
Ступает павою вперед.
Покуда кожа ее влажна,
Служанки маслом ее льют;
Укутав тканью домотканой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.